

49. Серебренников Б.А. 1976 – Что таит в себе уральский притяжательный суффикс 3 л.ед.ч. -sa?//СФУ. 1976, №4, 241–242.
50. Суханова В.С. 1962 – О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках//Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962, 80–89.
51. Терешкин Н.И. 1961 – Очерки диалектов хантыйского языка. М.– Л., 1961. Ч. 1.
52. Терещенко Н.М. 1979 – Нганасанский язык. Л., 1979.
53. Топорова И.Н. 1974 – Система именных классов в языке лингала//Вопросы африканской филологии. М., 1974, 15–35.
54. Тронский И.М. 1967а – Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.
55. Тронский И.М. 1967б – О дономинативном прошлом индоевропейских языков//Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, 91–94.
56. Туманян Э.Г. 1971 – Древнеармянский язык. М., 1971.
57. Уленбек Х.К. 1950 – agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков//Эргативная конструкция предложения. М., 1950, 101–102.
58. Шеворошкин В.В. 1957 – К истории индоевропейского генитива//ВЯ. 1957. №6, 89–90.
59. Шилдз К. 1988 – Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 224–261.
60. Шилдз К. 1990 – Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском//ВЯ. 1990, №5, 12–17.
61. Якубинский Л.П. 1953 – История древнерусского языка. М., 1953.
62. Ярцева В.Н. 1960 – Историческая морфология английского языка. М. – Л., 1960.
63. Brugmann K. 1892 – Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Strassburg, 1892.
64. Castren M.A. 1854 – Grammatik der samojedischen Sprachen. St.Ptb.. 1854.
65. Fodor I. 1959 – The Origin of Grammatical Gender//Lingua. 1959. Vol.8. №1–2, 186–214.
66. Jespersen O. 1956 – Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1956.
67. Hirt H. 1925 – Geschichte der Deutschen Sprache. Munchen, 1925.
68. Lehmann W.P. 1958 – On Earlier Stages of the Indo-European Inflection.//Language. Vol.34. №2. 1958, 178–202.
69. Noreen A. 1913 – Geschichte der Nordischen Sprachen, besonders in Altnordischer Zeit. Strassburg, 1913.
70. Specht F. 1947 – Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Gottingen, 1947.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧИСЛА В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ*

В.В. Быконя

Томский государственный педагогический университет

Научное наследие А.П. Дульзона объемно и многогранно. Значительное место занимает в нем описание строя самодийских языков, где заложена основа для дальнейших творческих изысканий как в сфере глагола, так и в сфере имени существительного. В статье “Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими” А.П. Дульзон пишет о том, что “ла – это то существительное, от которого образовано посредством уменьшительного суффикса селькупское слово *ла-ка* “кусоч, часть, отделенное”. С ним А.П. Дульзон соотносил суффикс множественного числа *-ла* и считал при этом, что принцип его выделения – осмысление множества как некоторого количества отдельных [Дульзон 1970: 36]. В статье подтверждается данный вывод А.П. Дульзона.

Методика бинарных противопоставлений и метод компонентного анализа позволяют проследить возможный путь становления лексического и грамматического числа и соответственно средств их выражения.

Лексическое число, с одной стороны, и грамматическое число – с другой, связаны с понятийной

категорией количественности. Предпосылкой образования данной категории является способность человека отражать количественные параметры объектов и явлений внешнего мира [Худяков 1991: 161]. Средством выражения лексически точного числа является имя числительное, средством выражения грамматического числа – морфологические показатели, а также десемантизированные лексемы.

Основной теоретической посылкой данного исследования является концепт, согласно которому двоичность и единичность, будучи прямо противопоставленными друг другу, составили понятийную базу лексического и грамматического числа. Двоичность отражает один из существенных этапов на пути осознания человеком окружающего мира через систему противопоставлений. Элементы, противопоставленные по основному признаку, составляют биномы типа: верх–низ, большое–маленькое, темное–светлое и т.д.

Двоичность является понятийной базой двоичности как соединения двух самостоятельных начал в некую совокупность. Двоичность служит основой в формировании конкретной множествен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке проект 98–04–06362 Российским гуманитарным научным фондом.

ности: троичности (бинаризм + монизм), четверичности (бинаризм + бинаризм) и развертывания цепочки точного лексического счета, включая счет по пальцам и по количествам – совокупностям [Быконя 1998: 204;206].

Конкретная множественность – троичность и четверичность выражается только в сфере лексического числа, тройственного числа в селькупском языке нет. Соответствующие понятия передаются через количественные словосочетания, которые моделируются по принципу соположения имени числительного и имени существительного в единственном числе, например, *nagur temña* ‘три брата’ (букв. три брат).

В системе точного счета селькупские числительные *sombla* ‘5’ и *muktet* ‘6’ символизируют понятие ‘много’, а числительное *selëi* ‘7’ ‘очень много; все; всё’. Числительные от *šedtatket* ‘8’ до *okirtatketβajet* ‘19’ ориентированы в словообразовании на числительное *këi* ‘10’. Первые два, т.е. *šedtatket* ‘8’ и *okirtatket* ‘9’ образуются путем вычитания из ‘10’ соответственно ‘2’ и ‘1’, а последующие имеют в основе сложение. Наименования круглых десятков образуются путем умножения на ‘10’, например, *šedsaru* ‘20’, *nagursaru* ‘30’ или *šedkët* ‘20’, *nagurkët* ‘30’. Исключение составляют числительные ‘80’ и ‘90’, которые повторяют модель для ‘8’ и ‘9’. Представляется, что ‘7’ – это рубеж, после которого начинается переход в бесконечное множество.

Таков, на наш взгляд, путь формирования понятия множества, выражаемого лексически. Он отражен в системе счета и фокусирует определенные этапы на пути познания мира. Точный счет формировался значительно позже по сравнению с другими подсистемами языка. Лексическое число развивается через наращивание элементов счетной цепочки, в которой каждый последующий элемент становится результатом сложения или умножения предыдущих.

Мы придерживаемся мнения о том, что понятие ‘2’ формируется раньше, чем понятие ‘1’. ‘Один’ предполагает не счет, а название предмета с помощью его специального обозначения [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 844; Степанов 1989: 58]. Путь развития селькупского числительного *šiti* ‘2’ лежал через понятия ‘разделенность’, ‘раздвоенность’, ‘душа’, ‘двойник’. Такой путь становления числительного ‘2’ логически укладывается в процесс освоения человеком окружающего его мира, в котором человек служил точкой отсчета, а ‘отделенное от человека’, но являющееся его принадлежностью, стало обозначением ‘2’. Познавательный процесс осуществлялся через сравнение объектов реального мира. Дуалистическое представление о нем отражено в мифологии, фольклоре, языке.

Фактический материал свидетельствует о том, что двоичность проявляется на всех уровнях исследуемого языка. Так, на фонетическом уровне она реализуется в чередованиях: а) долгих и кратких гласных,

например, *kj* ~ *kj̄* ‘река’; б) долгих и кратких согласных типа: *okir* ~ *okkir* ‘один’, *koltj* ~ *kollti* ‘большая река; Обь’; в) заднеязычных и увулярных смычных согласных, например, *koltj* ~ *kol̄tj* ‘Обь’; г) полных и редуцированных гласных в ауслауте: *kolltu* ~ *kollt̄* ‘Обь’ и т.д.

Двоичность лежит в основе многих грамматических явлений. В сфере имени двойственное число выражается суффиксами *-ki* и *-ja*, первый выступает маркером и существительного, и местоимения, и числительного ‘два’, ср. *kumoki* ‘два человека’; *tepeki* ‘они-двое’; *šedek* ‘двое’, второй – лишь в сфере местоимения и числительного: *tabja* ‘они-двое’; *šedja* ‘двое’. Здесь возможна контаминация суффиксов: *tabjak* ‘они-двое’; *šedjak* ‘двое’.

Усложнение морфологической структуры слова идет от абстрактного к конкретному, следовательно, элемент *-ki* характеризует конкретность, элемент *-ja* – абстрактность. Маркерами множественного числа являются в селькупских диалектах *-la* и *-t*. Они различаются ареально, и лишь в среднеобских говорах Чумылькуп представлены оба суффикса, причем они могут присоединяться к основе в определенной последовательности: *temña-la-t* ‘братья’. Это позволяет сделать вывод о том, что данные элементы имеют разную природу и выражают разный характер отношений: либо разделенность, либо собирательность.

В северном диалектном ареале суффикс *-t* имеет коррелятом суффикс *-n*, ср. *kumij* ‘люди’ ~ *kumen* ‘тж.’ На фонетическом уровне элементы *-t* и *-n* трактуются как регулярное чередование смычного и гоморганного сонорного, а историко-этимологический анализ свидетельствует о разных источниках их происхождения, о разных семантико-понятийных полях данных элементов грамматической системы.

Лексико-семантический уровень языка также дает примеры явления двоичности. Лексический состав может быть расклассифицирован на биномы. Однако не только трудно, но и вообще невозможно выявить понятийную базу для каждого из них, так как связи в реальной действительности, а, следовательно, и в языке многомерны до бесконечности.

Средством выражения грамматической категории являются наряду с морфологическими показателями десемантизированные лексемы *laka* и *lika* [Максимова 1985: 34; Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995: 44–45], например, *koralika* ‘песчинка’; *siʃalika* ‘соринка’; *kiʃlika* ‘капля крови’; *tamalaka* ‘мышь’. К их числу следует отнести *lipi*; *ñudilipi* ‘соломинка’; *koralip* ‘песчинка’. Из примеров явствует, что *laka* и *lika* могут быть противопоставлены по признакам: большой – маленький; круглый – гладкий. Представив их в виде бинома *laka – lika* и включив в анализ бином с теми же этимологическими корнями: *lapj – lipj*, выясним исходную семантику данных лексем и их составляющих компонентов.

Фактический материал позволяет заключить, что для корневых морфем *la-* и *li-* было присуще значе-

ние 'нарушение целостности'. Действия, результатом которых явилось нарушение целостности, были разнонаправленными. В одном случае его можно представить как отделение части от целого по схеме: повреждать > разбивать на части, в другом как выравнивание, сплющивание, сглаживание, т.е. повреждение с целью сделать гладким, тонким, ровным (в переносном значении – слабым, темным).

Первое подтверждают примеры *lakčigu* 'разбить'; *lakčel'digu* 'оторваться'; *lagigu* 'шевелиться; биться (о сердце), совершать периодические движения'.

Второе выясняется в результате внешних сопоставлений с коми языком, в котором лексема *ли* имеет значения 'мезга', 'камбий': *пожѝм ли* 'камбий сосны', ср. также лиавны 1) снимать мезгу; 2) скоблить (мякоть овощей); лигышмунны 'обессилеть, изнемогать, расслабить' [Коми-русский словарь 1961: 375]. Сходные значения проявляет селькупская лексема *lipi* 1) 'лоскуток'; *lipjik* 'флаг'; 2) 'кусочек' *mäč'i lipi* 'кусочек мяса'; 3) 'дряхлый, старый' в сочетании со словами *irakota* 'старик' – *irakotalip* 'старикашка' и *imakota* 'старуха' – *imakotalip* 'старушонка'. Корень *la* – связан с понятиями 'большой', 'круглый' и семантическое развитие идет в направлении *laka* ~ *laga* 'клубок', 'шарик', 'кругляш' [Максимова 1985: 37]; *lagangu* 'мотать нитки на клубок'; *lakal* 'бугристый'; *laka* 'шаг', *laksirjiko* 'прыгать', а также в направлении *lapi* 'весло', 'лопата'; *labalžugu* 'зажать дверь'; *lapirsjipriko* 'изворачиваться'.

Корень *li* – связан с понятием 'маленький', 'гладкий', 'ровный', ср. *lipel* 'гладкий', 'ровный'; *lipi* ~ *libi* 'темный', 'темнота', 'ночь'; *libiktə* 'ночь'.

Общим элементом бинама *laka* – *lika* является *-ka*. Это исторически суффиксальный элемент, который сопоставляется с *-k-овым* элементом финно-угорского числительного * *ka-k-ta* 'два', ср. коми *кы-к*; эрзя-мордовское *кавто* < *ka-ŋ-to*; финское *ka-k-ti* [Серебренников 1967: 107; Эрнитс 1975: 161; Alvre 1995: 132]. Для корневой морфемы *kV*-исследователи финно-угорских языков предполагают значение 'тот'. В финно-угорских языках такого указательного местоимения нет, но существует *k-овое* вопросительное. Прямые данные о происхождении вопросительного местоимения из указательного отсутствуют, но такой путь считается все же возможным. [Майтинская 1969: 229 и далее]. Суффиксальный элемент данного числительного Б.А. Серебренников сопоставляет с формантом *k*, который обнаруживается в составе слов, обозначающих парные предметы: финск. *jal-k-a*, эст. *jal-g* 'нога', по мнению Б.А. Серебренникова, первоначально 'две ноги'. Следует отметить, что в мировосприятии уральцев парность отсутствует, поэтому вряд ли можно говорить о том, что понятию 'нога'

предшествовало понятие 'две ноги'. Следовательно природа *-k-ового* элемента должна была быть другой.

По нашему мнению, этот элемент передавал конкретную членимость, т.е. деление целого на две части. В селькупском языке он проявляется в словах *peleka* 'половина, часть' как конкретная часть чего-либо в отличие от *pele* 'половина, часть' *sajoka* 'глазок' < *sai* 'глаз'; *toboka* 'ножка' < *tobj* 'нога'; *ika* 'сын' < *i* 'сын', где он выступает уже в значении уменьшительности, развивающейся в результате деления единого целого на малые части. В лексемах *laka* и *lika* этот формант проявляет значение членимости, таким образом, абстрактное значение 'нарушения целостности' элементов *la-* и *li-* конкретизируется и усиливается значением элемента *-k-*, что обуславливает их потенциальную возможность обозначения единичности. Эта возможность проявляется в языке при выражении единичности от имен существительных вещественной семантики, ср. *tirlika* 'икринка'; *vadelika* 'кусочек мяса'.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что конкретная делимость послужила понятийной базой единичности и уменьшительности. В свою очередь, конкретную делимость можно трактовать как внутреннюю двоичность в противопоставлении с внешней двоичностью.

Внешняя двоичность материально выражается показателем *-k(i)*, внутренняя двоичность – показателем *-ka*. Внешняя двоичность служит понятийной базой двойственности: *ara* 'старик', 'муж' + *paja* 'старуха', 'жена' > *ara pajak* 'старик со старухой – двое', 'муж и жена'. Внутренняя двоичность является понятийной базой единичности и уменьшительности: *laka* 'кусочек', *lika* 'кусочек', *sajoka* 'глазок', *toboka* 'ножка', *oloka* 'головка'.

Принцип соединения элементов проявляется в образовании лексически точного счета, а принцип деления целого на части лежит в основе формирования множественности. Так, единое целое *sai* 'глаз' (глаза человека); *topi* 'нога' (ноги человека); *uti* 'рука' (руки человека) при делении на две части предваряется лексемой *pele* 'половина' (при продольном разрезе): *peletobi* 'одноногий'; *pelesaize* 'одноглазый'; *peleodi* 'однорукий'. Множество, полученное в результате дробления целого на части, сопровождается элементом *-la*: *tobla* 'ноги' (многих людей); *sajla* 'глаза' (многих людей); *odla* 'руки' (многих людей). Существительное *-la* в самостоятельном употреблении не сохранилось, но для него можно предположить исходное значение 'отдельная часть'. Отсюда, формы с грамматическим показателем множественного числа *-la* следует понимать как множество отдельных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дульзон А.П. Общность падежных аффиксов самодийских языков//Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, 31–36.
2. Худяков А.А. Отношение категории числа существительного к понятийной категории количественности и к количеству//Коммуникативный аспект. Межвузовский сборник научных трудов, Ленинград, 1991, 156 – 162.

3. Быконя В.В. Имя числительное в картине мира селькупов, Томск: изд-во ТГПУ, 261 с.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 1–2, Тбилиси, 1984.
5. Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках//Вопросы языкознания, 1989, 4, 46–72.
6. Максимова Н.П. Категория числа у имен существительных вещественной семантики (на материале южноселькупских диалектов)//Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул, 1985, 34–41.
7. Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильашенко И.А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть I. Томск: РИО ТГУ, 1995, 292 с.
8. Коми-русский словарь. Москва, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961, 923 с.
9. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков, Москва, 1967.
10. Эрнст Э. О происхождении ф.-у. * kvktV 'два' с учетом типов развития числительных 'два' в разных языках.//СФУ, XI, 3, 159–162.
11. Alvre P. László Honti. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen, Budapest, 1993 (Bibliotheca Uralica II). Обзоры и рецензии //Linguistica Uralica, 1995, XXX, 2, 130–133.
12. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем, Москва, 1969.

ПАДЕЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Байдак

Томский государственный педагогический университет

Управление, как тип подчинительной связи, является одним из грамматических явлений, сущность которого до настоящего времени окончательно не выявлена. Исследование управления сводится к решению таких задач, как определение объема и содержания термина “управление”, выявление факторов, определяющих форму управления и его отношение к одному из уровней языка, вариативность управления, а также определение границ сильного и слабого управления.

Управление в селькупском языке является одним из способов подчинительной связи, при котором грамматическое оформление зависимого компонента словосочетания определяется лексико-грамматическими свойствами главного компонента. В качестве управляющих слов выступают глаголы, причастия, деепричастия, отглагольные имена. Управляемыми компонентами могут быть лишь элементы одного лексико-грамматического разряда — существительные и их морфологические эквиваленты (местоимения – существительные и прочие субстантивированные части речи). В селькупском языке управление может быть непосредственным (падежным) или осуществляться посредством послелогов (послеложным). Послеложные конструкции часто заменяются падежными. Они имеют более конкретное значение; падежные конструкции — более абстрактное. Однако, существуют конструкции, где может быть применено только падежное или только послеложное управление. При определении границ и объема управления в селькупских диалектах мы исходим из широкого понимания управления и принимаем термины “сильное” и “слабое” управление, поскольку

существует разница, чувствительная или менее чувствительная в управлении глаголов определенной падежной или послеложной формой. При сильном управлении глаголы (управляющие компоненты) в силу своих конструктивно обусловленных лексических и грамматических значений требуют формы в определенном структурно-смысловом значении. При слабом управлении связь между элементами конструкции – свободная; падежная или послеложная форма употребляется лишь для пояснения и не является тесно связанной с глаголом.

В лингвистической литературе последних лет наблюдается эволюция подхода к изучению сочетаемости глаголов и, в частности, глагольного управления от рассмотрения глаголов как единиц языковых систем к лексико-семантическим группам глаголов. Такой подход обусловлен гипотезой “... о взаимно-однозначном соответствии синтаксиса и семантики” [Кузнецова 1989:85].

Целью данной работы является исследование падежного управления глаголов селькупского языка. Предметом исследования послужила глагольная лексика в семантическом аспекте. Ее классификация проводится с опорой на денотативный (тематический) принцип, являющийся наиболее традиционным. Он основан на естественном онтологическом расчленении действий и опирается на интуицию информантов, на их знания реальной действительности. На основе денотативного принципа селькупские глаголы подразделяются на следующие лексико-семантические группы: 1) глаголы физического воздействия на объект; 2) глаголы производительного действия, создающего свой объект; 3) глаголы чувства; 4) глаго-